

Даниил Александрович Гранин (род. в 1918 г.) – старейший советский писатель, автор популярных повестей и романов. Назовём лишь некоторые из них: «Ярослав Домбровский», «Искатели», «После свадьбы», «Обратный билет», «Бегство в Россию», «Место для памятника», «Тайный знак Петербурга». Недавно экранизированная книга Гранина «Вечера с Петром Великим» снова определила его место в ряду самых популярных авторов.

Ульяновцам писатель дорог ещё и тем, что одна из его книг – «Эта странная жизнь» – посвящена всемирно известному учёному Александру Любишеву, который жил и работал в Ульяновске. Да и жизненный путь самого Даниила Александровича прошёл через Ульяновск: в годы войны он учился в Ульяновском танковом училище.

В новом произведении «Всё было не совсем так» в главе «Ася» писатель вспоминает этот период своей жизни.

Ася

В Ульяновское танковое училище мы прибыли с фронта. Офицерами. Старшие лейтенанты, капитаны. В орденах и медалях. И попали под начальство старшин. Они принялись нас гонять на строевую подготовку, на вечернюю прогулку, с песней «За-а-певай! Давай ножку!». Шёл 1943 год. Фронтовики народ вольный. Слани всех, всё туда-то. Дальше фронта не пошлют, больше пули не дадут. Казарменная жизнь была непривычной. Койку надо заправлять. В столовую строем. Зарядка. Быстро наладили самоволки. Налаживание в том состояло, чтобы обзавестись девахами, ночёвкой, а то и квартирой. Кормили в училище скудно. Много часов уходило на политзанятия. Эту дурость в разгаре войны... Не могу сказать, чтобы мы рвались на фронт. В Ульяновске я впервые почувствовал прелесть мирной жизни. Не стреляли. В Ленинграде ведь как: даже когда нас отвозили на отдых – помыться, вшей перебить, – всё равно нас доставали бомбёжки, снаряды. Спали не раздеваясь. Сапоги скинешь, ремень, пилотку долой, а остальное – только что пуговицы расстегнёшь. Шинелью прикроешься. Портянки просушишь, вот и вся спальня. А здесь хоть в казарме, однако простыни, одеяло, матрац пружинный. Кровати двухъярусные,

мне достался второй этаж. Соседом по койке был башкир Юсуп. Ночью он будил меня, шептал – пойдём поссым. Я отмахивался – не хочу, зачем будишь. Он говорил – скучно одному слезать, залезать. И так каждую ночь. Все это знали, помниться местами ни с кем не получалось. Давал за обмен месячный паёк папиросный. Не брали. Тогда решил искать пристанища городского. Один из курсантов пригласил меня на вечер в «культурный дом». Пришли. Дом стоял на горке, над садом. Двухэтажный. Верхний этаж с большим балконом занимала семья хозяев. В гостиной за столом с плюшевой скатертью расположилось общество. Глава семьи – седоголовый, крупный, львиный мужчина, если по-старинному – землеустроитель; если по-довоенному – начальник Облзо, что означало Областное земельное управление. Две его дочери, ещё их подруга, мамаша, какие-то мелькающие тетки. Сидели, пили чай, ели пирог с капустой, нас расспрашивали про фронт. Он – с Уральского, я – с Ленинградского. Для них без разницы, главное – когда кончится война. Это наше русское постоянное вглядывание в будущее, не жизнь, а ожидание жизни, нормальной жизни, ожидание, которое поглотило поколение моих родителей, затем и моё поколение.

А нынче уже мои дети тоже вглядываются и докучают: ну, что будет? Когда кончится инфляция, когда закончат с преступностью? Когда начнется жизнь?

Потом играли в карты, потом Ася одна пела под пианино. Родители ушли. Мы долго ещё сидели, спустились в сад. Теплынь была заполнена сиренью. Это была сиреневая чаща. Целовались. Мы остались. Спали на дощатом балконе. После этого я часто приходил к Асе, оставался. Нам было хорошо, а мне особенно. Ася где-то работала. Сестра её часто дежурила в госпитале. Мой товарищ, кажется, его звали Лёва, вскоре позвал меня в другую, более хлебную компанию. Он использовал меня для представительства. Я должен был читать стихи, говорить о литературе, придавать интеллигентности офицерскому составу. Меня приглашали для старта. Потом обо мне забывали, я даже мешал, потому как пил мало, карты не любил, и вообще интеллигентность быстро утомляла и баб, и мужиков.

Начальником училища был генерал Кошуба. На наши ночные отлучки смотрел благодушно. Надлежало лишь являться к утренней проверке. Когда мы попали однажды в комендатуру за пьяные песни ночью перед зданием обкома, вот тут он разгневался, велел привести к нему. Это был полный, могучего сложения генерал, герой Финской кампании. Там он потерял обе ноги. Отморозил.

Он сперва накричал, изматерил нас, потом усадил и стал учить, как пить, чтобы не напиваться. В заключение преподнёс нам формулу:

– Надо знать, с кем пить, когда пить, сколько пить. И где.

– А что пить? – спросил я.

– Об этом вопрос не стоит, – сказал он и почему-то велел мне остаться. Долго разглядывал меня. – Ты что, лейтенант, стихи пишешь?

– Нет.

– А что ж ты пишешь? Записываешь в книжку?

Я понял, что ему докладывали. И тут тоже всё просматривалось, замечалось.

– Да так... Фольклор. Иногда.

– Например.

Я прикинул, что сказать.

– Например: держись поближе кухни, подальше от начальства.

– Известно. Ещё.

– В тени меньше потеешь.
– Это в смысле – не высовываться?
– Наверное.
– Фольклор, значит? Говорят, ты стихи читаешь наизусть.

– Виноват, товарищ генерал.

– Не прикидывайся. Я думал, можешь, написал бы песню нашего училища. Музыка у меня есть кому заказывать.

– Это лучше делать вместе с композитором.

– Вот видишь, выходит, ты специалист.

Рисунок Елены Платоновой. Дочка

И тут чёрт меня дернул за язык:

– Знаете, товарищ генерал, я больше прозой интересуюсь. Я прозаик.

Генерал усмехнулся.

– Я тебе не про заек предлагаю, а про танки. – Хохотнул. Я тоже посмеялся. – Пушкин, он и прозой мог, и стихами писать. Писатель всё должен уметь. Значит, ты писатель?

– Да нет, это я так, хотел бы.

Он рассматривал меня взглядом лесоруба, с какого бока начать рубить.

– Послушай. Мне нужен грамотей, доклады подправлять, историю училища, то да сё... Я бы мог тебя оставить в училище. Как ты?

– Не хотелось бы, товарищ генерал.

– Ты уже повоевал, своё дело сделал.

– Отступал, товарищ генерал. А теперь другая война будет, наступать.

– Мой тебе совет, подумай. Свою пулю получить успеешь. На фронт не набивайся, от фронта не отбивайся. Можешь записать.

Когда я рассказал про это Асе, она стала уговаривать меня согласиться. Война мне к тому времени порядком надоела. Именно надоела – бесполовыми командирами, безжалостностью их к солдатам.

Предложение Кошубы преобразило Асю, в ней появилось что-то захватническое. До этого мы были связаны лёгким чувством без будущего. Чисто любовные отношения. Сладострастие перемежалось с радостью иметь кавалера, да ещё офицера-фронтовика, а не курсанта в кирзе, пилотке. Каждая женщина считает замужество удачным завершением романа, логическим концом...

Ася, до того беспечная любовница, переменялась. Дала понять, что я могу поселиться у них, мне выделяют комнату, будут кормить, незачем питаться в столовке. Вечером со мною об этой затее заговорил её отец, поглаживая усы, он, как мужчина с мужчиной, сказал, что случай такой не след упускать. Что касается Аси, то жениться не обязательно, свобода, он понимает, штука драгоценная, между прочим, в Ульяновске свободы больше, чем на фронте. Отсюда на фронт всегда можно... Ася девочка хорошая, это он не как отец, танкисты, они смертники, лично он на фронт подался бы к концу войны.

Мы поехали с Асей по Волге на лодке. Было тепло, она показывала мне здешнюю красу, крутые берега с ласточкиными гнёздами, дубовые роши. Палило солнце. Ничего похожего на нашу северную природу и на фронтовую природу, которая существовала, прежде всего, как укрытие. Природа здесь раскинулась бесстыдно, как будто и не было никакой войны.

– Тебя убьют, – сказала Ася. – Ты погибнешь. Я не хочу. У меня уже был в прошлом году... Несколько ребят, была компания, все сгорели, один только добрался до госпиталя, и то ослеп.

Предчувствия на меня действуют, особенно чужие, женские. У женщин есть какой-то чувствительный датчик сигналов из будущего, то, что было

у древнего человека. Недаром ведь столько веков существовали ведуньи, предсказательницы, пифии...

Кассандра была троянская царица, предсказывала она всё правильно, но никто ей не верил. В Дельфах работал центр на всю Грецию, по предсказаниям, там тоже работал исключительно женский состав.

— Я не о себе, я не претендую, можешь мне изменить... — она плакала, похоже, она вправду боялась за меня. Я сам был готов заплакать с ней над моей обгорелой судьбой.

Мы плыли по Волге, Ася сидела на руле, пела, запрокинув голову к небу:

*Мы правим в открытое море,
Где с бурей не справится нам,
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.*

Звучала у неё эта песня — не поёмшь, от кого, про кого, пела с чувством, с таким чувством беды, что душу надрывала. Красива она была в эти минуты, в распахнутой рубашке, по-мальчишески крепенькая, я понимал её, жалел, вдруг приоткрылась её мечта о счастье. Останусь в Ульяновске, да ещё при начальстве, должность не пыльная, тут следующее звание получить быстрее, чем на передке, живи, наслаждайся с чистой совестью, своё фронтовое отбарабанил сполна, да ещё на Ленинградском, это вам не Карельский.

Асю я понимал, а вот себя — нет. С самого начала знал, что не останусь, приятно было, чтобы меня уговаривали, толком же ответить Асе не мог. В самом деле — почему? Про патриотизм, долг говорить в то время уже язык не поворачивался.

Мой бурят коротко определил — хамаугэ, что означало полное отсутствие ума. Со стороны так оно и выглядело. Последние две недели перед отправкой с Асей у нас порушилось. У неё была обида, у меня же неумение толком объяснить своё решение. Может, она подумала, что я бегу от неё, опасаясь, что обкрутят меня, окольцуют.

— На фронт ты всегда успеешь отпроситься, — сказала Ася в последний наш вечер. Что было правдой.

— Мы можем жить не расписываясь, — сказала она. Что тоже было правдой.

Но тут же, противореча себе, она сказала, что хочет ребёнка от меня,

что ребёнок у нас должен быть замечательный, ибо мы идеально подходим друг к другу, что на фронте меня могут ранить, и тогда ребёнок будет неполноценный.

Я ещё ни разу в жизни не думал о своём ребёнке. То есть однажды Зоя Пухаркова предупредила меня насчёт беременности. Это не входило в мои планы, в её тоже, но ребёнок тут был ни при чём, мы думали лишь про беременность, как бы не вляпаться.

Моё молчание разъярило Асю. Вряд ли я уцелею, она знала участь танкистов, слава богу, через их танковое училище прошли сотни, может, тысячи курсантов, а сколько уцелело? Всего ничего. Танк — гробница. Она повторяла иступлённо, что я сторю, меня раздавят, перекалечат, мне не выбраться.

— Ты погибнешь. Ты не вернёшься. Тебя убьют. Кошуба командовал батальоном, и то остался без ног, а тебе в лучшем случае дадут роту. Это смертники.

Такое не следовало произносить, это плохая примета. На меня её слова действовали долго, всю дорогу на фронт. До того два года войны я не помышлял о смерти. Знал, что уцелею, а тут пошатнулась, треснула моя вера, тот солдатский «авось», который помогал и в бомбёжку, и под миномётно-пулемётной косилкой. Что ни говори, каждый из нас с первого дня воевал с «авосем». Прежде всего с ним, ничего другого не имели. Авось не попадёт, зарывались в землю, да разве от бомбы зароешься. Авось да небось, да ещё как-нибудь — вся надежда наша.

Кассандра своим языком всё испортила.

Ася рыдала, словно над покойником, нос распух, красный, глаза красные, вся красота сошла. Я выматерил её с наслаждением, если убьют, то из-за неё, пусть так и знает. Ничего не осталось другого применить...

Когда поезд тронулся, Ася побежала за вагоном, я стоял у окна, она махала мне, что-то кричала, я смотрел на неё, а потом взял да и отвернулся, нарочно отвернулся так, чтобы понял.

В вагоне пили, закусывали подаренными гостинцами, гостинцы тогда были — пироги капустные, картошка печёная, творог да огурцы. Жалели покинутых баб. Некоторые

регистрались, чтобы хоть аттестат им оставить, чем-то отблагодарить, мало кто думал про будущую жизнь, про то, чтоб вернуться. Если вернуться, то, скорее, к своим, а свои были на родине, свои — это родители или кто уже имел свою семью. Таких было мало.

От водки на душе полегчало. По сути, Ася хотела одного — оставить меня, от фронта уберечь, то есть от смерти. Ей что надо было — хорошо бы мужа, это в идеале, но она счастлива бывала, когда шла со мною по бульвару, так что все видели — есть у неё кавалер, и не просто, офицер, да ещё с орденом, с гвардейским значком, и рост подходящий, и собой вполне соответствует. Признавалась, что и такого женского счастья достаточно, по военному времени оно и немалое. Вспомнил, как водила показывать ульяновские, то есть симбирские деревянные особнячки, библиотеку, спуск к реке, бежала по тропкам, как блестели её разлохмаченные весёлые кудряшки.

Спустя много лет на каком-то книжном базаре в Москве я надписывал свою новую книгу. Когда меня просят: «Напишите мне что-нибудь», я теряюсь, я не мастер экспромтов. Но тут мне продиктовали: «Пожалуйста, напишите — на память о том, что не случилось». Передо мною стояла девочка, подросток, было ей лет пятнадцать, шестнадцать, что-то слабо знакомое в её лице. Я спросил — кому? Как её звать? Она пожалала плечами, засмеялась — это неважно. Я написал. Ночью в гостинице я вдруг вспомнил, кого она напоминала — Асю. Может, где-то позади стояла её мать, может, мать когда-то рассказывала ей, не знаю. То, что это была её дочь, почему-то уверился. Было хорошо, что я не видел саму Асю, что она осталась в том же доме над садом в переулке, заросшем травой, остался балкон, тюфяк, постеленный на досках, всё осталось, как было, появилась только эта неведомая мне девочка, дочь её и её мужа, или такого же, как я, курсанта, потому что война шла ещё два года, и мы, курсанты того училища, ещё горели и горели в танках.

Даниил Гранин